

РЕБЕККА УЭЙТ
**КОНЕЦ
СВЕТА**

РОМАН

Перевод с английского
*Александры Борисенко
и Виктора Сонькина*

phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(8Вел)
У98

HAVOC by REBECCA WAIT

Copyright © 2025 by Rebecca Wait

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Hardman and Swainson
и The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Александры Борисенко и Виктора Сонькина
Редактор Игорь Алюков

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Ребекка Уэйт

У98 Конец света: Роман / Пер. с англ. А. Борисенко и В. Сонькина. — М.: Фантом Пресс, 2026. — 448 с.

Иронично-мрачный академический роман, действие которого разворачивается в неблагополучной английской школе для девочек в 1980-х годах. Сбежав из Шотландии после унижительного семейного скандала, шестнадцатилетняя Ида получает стипендию в школе-интернате для девочек, расположенной на отдаленном южном побережье Англии. Ида надеется, что школа Святой Анны может стать для нее убежищем. Она едва успевает освоиться в школе, как появляется новый учитель. Девочки отчаянно жаждут узнать о нем все — в конце концов, с какой стати привлекательный молодой мужчина приехал в такую глушь? Одна из учительниц уверена, что новый коллега — не тот, за кого себя выдает. Внезапно по школе распространяется загадочная болезнь — у учениц то и дело случаются странные судороги. Что происходит с девочками из школы Святой Анны? Притворяются? А может, кто-то их травит? И молодой учитель, кто он — лжец и злодей? Мастерски сочетающий карамельную атмосферу школы для девочек и жутковатую таинственность “Тайной истории” с восхитительным комизмом “Девчонок из Дерри”, новый роман Ребекки Уэйт — настоящий остроумный шедевр.

ISBN 978-5-907943-21-6

© Александра Борисенко, Виктор Сонькин, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, 2026
© “Фантом Пресс”, издание, 2026

Д-р Джеймс Холливелл (невролог)

д-ру Джорджу Фишеру (неврологу)

1 ноября 1984 г., четверг

Факс

Полицейские по-прежнему так и торчат в школе, хотя пока что, к их явному сожалению, никого не арестовали (иногда кажется, что они бы с удовольствием арестовали меня, чтобы я хотя бы не путался у них под ногами). Сотрудники Агентства по гигиене окружающей среды тоже тут. Оставшиеся девочки в ужасе: они боятся, что подхватят “это” (чем бы “это” ни было). Родители и учителя в панике. А я тут один как перст и понимаю не больше прочих.

Ты приедешь, Джордж? Когда уже?

Дж.

Ида никогда не отличалась пунктуальностью, но даже для нее недельное опоздание было, пожалуй, некоторым нарушением этикета. Она звонила в школу и пыталась предупредить их, но связь была плохая, и хотя женщина на другом конце провода отвечала вполне доброжелательно, Ида сомневалась, что за всем этим треском и шумом та расслышала ее объяснения про шторм, паром и все остальное.

Вся поездка не задалась. Ей в конце концов удалось попасть на большую землю — за отсутствием парома пришлось плыть на ржавой рыбацкой лодке соседа, а поезд из Обана задержался из-за ливня. В хостеле в Глазго какой-то мужчина сказал, что хочет показать ей карточный фокус, но на самом деле хотел показать кое-что другое, и ее соседке — тетке из Дамфриса — пришлось гнать его из комнаты, фыркая: “Тю, было б на что там глядеть!”

И даже теперь, когда поезд наконец остановился на нужной станции, на самом юге Англии, Иде не повезло. Она высунулась из окна, чтобы открыть дверь вагона, но ручку заело, и она чуть не оказалась в западне. Поезд уже трогался, и в эти мгновения паники, изо всех сил дергая ручку, Ида почти признала, что мать и сестра были правы: она совершила ужасную ошибку (то есть это мать считала, что она совершила

ошибку, а по мнению Шарлотты, ошибку совершила школа).

Но затем, в последний момент, будто из ниоткуда возник мужчина и резко распахнул дверь. Ида вывалилась из вагона и едва успела выдернуть сумку и рюкзак, как поезд тронулся, зияя дверным проемом.

Вечерело. Маленькая деревенская станция казалась совершенно пустынной, если не считать Иды и ее спасителя. Ида посмотрела на него. Средних лет, в мешковатых вельветовых штанах и зеленом анорাকে. Значит, это его прислали ее встретить? Она ожидала, что придет женщина.

Он тоже смотрел на нее.

— Я новая ученица в школе Святой Анны, — сообщила Ида.

— Да, рыбонька? Ты вроде постарше, чем в школу поступают.

— Я в шестом классе. Мне шестнадцать, — добавила она, и это прозвучало так, будто она оправдывается.

— А, вот что? Молодец.

Повисло молчание. До Иды стало доходить, что мужчина не имеет никакого отношения к школе, просто случайный прохожий, который наверняка подумал, будто она все о себе вываливает первому встречному. Она вежливо улыбнулась и, подхватив багаж, направилась к единственной скамейке на платформе. Мужчина остался на месте, черкал что-то в маленьком блокноте. Потом двинулся к выходу и пропал из виду, Ида осталась сидеть с рюкзаком на коленях. Она решила подождать — вдруг кто-то все-таки придет, чтобы ее встретить. А она пока попытается придумать какой-то план Б. Вся ее жизнь казалась ей порой планом Б.

— Ты точно хочешь уехать с Гебридских островов? — спросила мисс Кристи во время первого телефонного разговора, когда Иде предложили стипендию. — Там ты хотя бы в безопасности.

— В безопасности от чего? — спросила Ида.

— От бомбы. Обстановка в мире сейчас напряженная и становится все накаленней. Или все холоднее, как посмотреть. Ты знаешь, что на Часах Судного дня без трех минут полночь?

Ида не имела ни малейшего представления о том, что такое Часы Судного дня, и не решилась спросить. Она не могла понять, серьезно говорит мисс Кристи или шутит. В голосе вроде бы ни намек на юмор, но по телефону такое определить трудно.

— Уверена, — сказала она.

— Сегодня по радио будет передача, которую тебе надо послушать, — сказала мисс Кристи. — Радио 4, ровно в семь. О том, как Великобритания готовится к ядерной войне. Ты должна во всем разобраться, прежде чем примешь окончательное решение.

Ида записала передачу, чтобы послушать на плеере. Она боялась, что ее станут проверять. Информация была пугающей, но ее решение не изменилось. Ида сама уже выпала в осадок от того, что сделала ее мать, и просто не могла беспокоиться о ядовитых осадках, что выпадут после ядерного взрыва, если Советский Союз пустится во все тяжкие.

Сейчас, сидя на вокзальной скамейке, она старалась насладиться покоем. По крайней мере, здесь нет никого, кто слышал бы хоть что-нибудь о позоре ее матери. Здесь нет никого, кто мог бы оскорбить Иду, возвести на нее поклеп (фигура речи, с которой ее познакомила добрая миссис Келли в публичной библиотеке

Обана), или написать в ее портфель (а это, к сожалению, не фигура речи), или, что было хуже всего, смотреть на нее с этим холодным выражением, в котором, как ей вначале казалось, читается разочарование. Потом она поняла, что ее просто презирают. Потому что все, конечно, думали, что она знала. Причем верили в это так убежденно, что иногда Ида и сама начинала верить.

Она снова взглянула на часы. Прошло уже двадцать минут, а за ней так никто и не пришел. Ида даже не очень удивилась, обнаружив, что снова никому не нужна.

— Ну что? — Над ней навис знакомый зеленый анорак. — Решил вот вернуться посмотреть, забрали тебя или нет. Сказал про тебя супруге, а она велела пойти проверить.

— Не знаете, ходит тут автобус до школы Святой Анны? Или такси? — У Иды не осталось денег на такси, но, может быть, кто-то в школе одолжит ей, когда она туда доберется.

Вопрос, казалось, позабавил его.

— Автобус или такси? Это вряд ли, рыбаonica. Но, слушай, я не могу тебя здесь оставить одну. Супруга не велела. Я тебя отвезу. Так супруга мне подсказала. И еще велела, чтоб я ее упомянул раз-другой, чтоб ты не подумала, что я какой-то извращенец.

— Вы очень любезны, — сказала Ида. И понадеялась, что он не станет показывать ей карточный фокус.

— Мне не трудно. — Он поднял ее сумку. — Супруга велела, говорю же. Но она кричит, ты ей скажи, что, мол, жена у меня, а то решит, что ты ее прикончить задумал.

Иде было бы спокойней, если бы он не упоминал убийство.

— Хотя ведь и женщины разные бывают, — раздумчиво заметил ее спутник, пока они шли по платформе.

— Да, наверное, — ответила Ида.

— Вот взять, к примеру, Миру Хиндли*.

Он подвел ее к выдавшему виды красному автомобилю, припаркованному у газона возле станции.

И когда они трогались, добавил:

— К тому же ты не видела мою супругу.

— Это правда, — ответила Ида.

— Но она у меня есть.

— Я не сомневаюсь, — сказала Ида. Она не стала пристегиваться на случай, если придется срочно выпрыгивать из машины на ходу.

Они ехали по живописным дорожкам, вьющимся между живыми изгородями, а потом дорога поднялась вверх, на белые скалы, и дальше шла над морем, так что по одну сторону от машины простирались поля, а по другую — водная гладь.

— Школа Святой Анны, значит? — снова заговорил мужчина. — Любопытное местечко.

— Кажется, да, — согласилась Ида.

— Девочки оттуда приезжают иногда к нам в деревню. В конце триместра и всякое такое. — Он резко вошел в особенно крутой поворот. — Они все там чокнутые. Ты уж прости, что я так говорю.

Его слова встревожили Иду.

* Мира Хиндли была сообщницей Иэна Брэйди, в период с 1963 по 1965 год они убили по меньшей мере пятерых детей; некоторые жертвы подверглись сексуальному насилию. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Да?

— Ну так а чего ждать, если всех этих девчонок заперли в доме на скале подальше от людей.

— Но ведь все школы-пансионы такие, разве нет? — с беспокойством спросила Ида.

— Пансион пансиону рознь, — отозвался собеседник.

Ида не нашлась что ответить, и они снова погрузились в молчание.

— Надеюсь, ты привезла с собой много теплой одежды, — сказал наконец мужчина, — здесь такие холода бывают, особенно когда ветер с моря.

— Я из Шотландии, — ответила Ида, — у меня вся одежда теплая.

— Вот и хорошо, рыбонька. Все будет в порядке. А мы как раз приехали, — добавил он, когда они поравнялись с высокой каменной стеной и проехали между столбами ворот, очутившись на широкой подъездной дорожке, посыпанной гравием. Он остановил машину. Перед ними высился викторианский фасад Идиной новой школы.

Едва ли можно было представить себе менее гостеприимное пристанище — школа располагалась на самой верхушке скалы, обдуваемая холодными ветрами с Ла-Манша. Но Ида была не уверена, что это строение смотрелось бы лучше в других декорациях. Перед ней высилась старая усадьба, которая как будто застыла в падении и теперь всеми силами старается удержать равновесие, — казалось, стоит отвести от нее взгляд, как она развалится на части. Крыша основного здания растеряла, похоже, большую часть шифера, подпиравшие ее контрфорсы растрескались, местами от них отвалились куски. По бокам красовались башенки,

а между ними, с небольшими промежутками, — остроконечные окна мансарды. Несколько стекол пересекали трещины, а одно было просто выбито.

— Радует глаз, а? — сказал ее спутник.

— В брошюре это выглядело совсем иначе, — произнесла Ида слабым голосом.

— Так там было фото?

— Рисунок, — призналась Ида.

Мужчина расхохотался:

— Рисунок? Вот молодцы! Хитро!

Акварель на обложке рекламного проспекта изображала прелестную загородную усадьбу, залитую мягким, золотистым вечерним светом. Дом находился в прекрасном состоянии — окна целые, камень не трескался, вся черепица на месте. Иде тогда не пришлось в голову задаться вопросом, почему они не поместили на обложку фотографию, — она решила, что это еще один признак утонченности учебного заведения.

— Кажись, здесь был монастырь? — спросил мужчина.

— Я не знаю, — ответила Ида, ее осведомленность с каждой минутой скукоживалась.

— Там приключился какой-то скандал с монашками, и их закрыли. Не помню уж, что там случилось. Кто-то помер, кажись. Был пожар... Всегда выясняется, что был пожар, да? Запомню, что и как.

Ида взялась за ручку своей сумки:

— Спасибо большое, что подвезли.

Она уже не боялась за свою жизнь и была благодарна своему спасителю.

— Не за что, рыбонька. Удачи тебе! — добавил он несколько неуверенно.

Спаситель уехал, приветливо помахав ей в окно, а Ида осталась стоять перед крыльцом.

Она вдохнула соленый морской запах, на мгновение ощутила, что она дома, потом, наоборот, ее захлестнула тоска по дому — хотя она сама не знала, по чему скучает. Точно не по острову, точно не по матери.

Она постояла так еще мгновение, а потом поднялась по ступеням, волоча сумку, и позвонила в дверь.